

Актуальный разговор

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СВОБОДА ВКЛЮЧАЕТ ДОБРОВОЛЬНОЕ САМООГРАНИЧЕНИЕ В ПОЛЬЗУ ДРУГИХ. МОЁ ИНТЕРВЬЮ С ЧЕЛОВЕКОМ ПО-НАСТОЯЩЕМУ СВОБОДНЫМ, С «КРАСНЫМ ДИРЕКТОРОМ» - ЕВГЕНИЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ КАРПОВЫМ. НЕДАВНО ОН ВСТРЕТИЛ СВОЙ 89-Й ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. С НИМ ЕСТЬ О ЧЁМ ПОВОРОТИТЬ СЕГОДНЯ, ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ТО, ЧТО СТАЛО УЖЕ ИСТОРИЕЙ.

— Евгений Александрович, мы встречаемся накануне Дня строителя, а о Вас старшее поколение нижнетуринцев говорит: «Карпов построил город».

— Карпов — заказчик, а возводили строители СУС «Средмаша» — Министерства среднего машиностроения СССР, так тогда именовалась атомная отрасль. Нижней Туре повезло: город попал в атомный проект. Его выбрали для размещения объектов атомной промышленности. В те годы, из расчёта на одного работающего, НТМЗ строил жилья больше, чем Лесной. В 1980 году Б. Ельцин вручил городу Красное знамя за благоустройство. А проект детского сада «Алёнушка» получил его высокую оценку. И хоть в советские годы самыми критикуемыми отраслями были строительство и сельское хозяйство, но строили много. За стройками осуществлялся строительный надзор. Сегодня строительный комплекс частично разрушен. Есть подрядные организации. Но кто их контролирует? В результате мы видим сюжеты по телевизору о том, что дети-сироты заселились в новое жильё, а в квартире через полгода — трещины и плесень.

Ещё до падения Берлинской стены мне довелось побывать в ФРГ. Поразило то, что там на строительных площадках ограждения с панорамными окнами и каждый проходящий мимо видит, какой порядок царит на стройке. Уважающая компания не может допустить в работе брак и устроить беспорядок, и ей нечего скрывать за забором.

— Уже несколько лет в Нижнетуринском городском округе не могут построить новую школу в посёлке Ис. О ней вспоминают только в предвыборные кампании и раздают обещания избирателям. На последнем заседании Нижнетуринской Думы говорилось о том, что из-за дефицита наполняемости бюджета строительство учебного заведе-

ния — НТМЗ, то руководство города одним из условий выдвинуло необходимость строительства школы. В те годы в посёлке Новый Завод на берегу пруда стояло деревянное, барачного типа школьное здание с печным отоплением и удобствами во дворе, а недалеко от здания бывшей тюрьмы — барак на два начальных класса, который отапливался от заводской паровой котельной. Пар подавался несколько раз в день, и из-за высокого перепада температур система отопления издавала звуки, похожие на стрельбу. А пыль, оседавшая на трубах, подгорала. От этого дети даже падали в обморок. Занятия в школе велись в две-три смены.

Когда я пришёл на завод главным инженером, то школа уже строилась.

К началу 1959–1960 учебного года закончились все строительные монтажные работы, и, конечно, здание хотелось быстрее ввести в строй. Отвели торжественную линейку, красную ленту перерезали, а мне — выговор от горисполкома. Оказалось, сперва пожарный надзор должен был добро дать.

— Евгений Александрович, Вы были директором Нижнетуринского машиностроительного завода 35 лет. Возглавили предприятие в 28 лет. После Вашего ухода, в 1995 году НТМЗ становится акционерным обществом и с 1998 года именуется ОАО «Вента». С ноября 2018 года

Е.А. Карпов: «Я богат тем, что всю свою сознательную жизнь служил людям»

Взгляд «красного директора»

держателем контрольного пакета акций предприятия является ООО «Уральский шинный завод». В конце 2019 и начале 2020 года на «Венте» прошли массовые увольнения. На сегодняшний день осталось чуть больше полусотни сотрудников, которые не знают, какое будущее их ждёт. Как это не прискорбно признать, но похоже на то, что славная трудовая история некогда градообразующего предприятия завершается?

— Чтобы было представление о масштабах производства, для примера скажу, что завод был третьим в стране по изготовлению вентиляторов. На нём работали 3,5 тысячи человек, из них непосредственно в производственном процессе

Оборонка «легла» с подписания договора о разоружении. Какое-то время завод был подключён к программе разборки боеголовок и держался на заказах. Началась конверсия. В США определили, что глубина конверсии должна составлять 5–7% в год. Это безболезненно для экономики и реально для замещения военной продукции гражданской. В России глубину конверсии стали проводить темпами 50–60% в год. А у нас, так или иначе, но вся промышленность работала на оборону, кто-то был задействован косвенно. Все производственные связи «рвались». Господствовала бартерная экономика, когда ты мне гуся, а я тебе — порося. Помню такой момент: завод обменял продукцию на цистерну подсолнечного масла, мы его даже в городе продавали, а деньги пошли в кассу на выплату материальной помощи тем, у кого была ситуация наиболее критическая.

Бездумные и преступные действия реформаторов шли в дикое противоречие с объективными экономическими законами развития, я лично воспринимал их как временное недоразумение.

Сейчас оборонный комплекс снова развивается. Но нужно менять структуру управления, когда семейно с ложкой, а один с сошкой, ничего хорошего не будет. От посредников-нахлебников нужно уходить к проверенной системе: министерство — главк — завод. Я не думаю, что руководство страны этого не понимает, но мы оказались крепко зажатыми в клещи монополистического капитала.

— Правильно ли считать, что социалистическое производство оказалось нежизнеспособным из-за плановости экономики, когда спускался план, его нужно было выполнять, а отвечало предложение спросу или наоборот — этому не придавалось значения?

— Прежде чем производить наукоемкую продукцию, НТМЗ начал с

выпуска кухонных плит и чугунных люков, на которые был спрос.

Я не помню такого случая, чтобы у нас продукция на заводе заживалась на складах. Вся она уходила, и неликвидов по продукции не было. Минус, может, в том, что плановую экономику слишком детализировали. Сегодня мы видим, что все уважающие себя страны планируют, в них нет перепроизводства, они взяли наш опыт. Базовые отрасли народного хозяйства, такие как металлургия, энергетика, машиностроение, химия и, конечно же, оборонные, должны планироваться! Реформирование экономики было необходимо, но не таким путём. Сегодня все стали специалистами-экономистами. Если купил за рубль, а продал за два, то уже экономист. Я считаю, что экономикой нужно поднимать методом становления атомной промышленности, которая развивалась на основе мобилизационной экономики и ручного управления. Часть специалистов придерживается того же мнения.

С экономикой мы топчемся на месте ещё и от того, что у нас нет крепких хозяйственников, не решаются кадровые вопросы. Нужно восстанавливать послевузовскую систему распределения специалистов. Нельзя транжирить деньги на образование, а кадров не иметь. Получил образование за счёт государства, будь добр работать там, где нужны твои руки, знания. Я — «жертва» жёсткой системы распределения, а сложись всё по-другому, из меня, может, и директор не получился.

— Как вернуть основное достижение СССР — главенство человека труда? Нужно снова переустраивать Россию?

— На партийно-хозяйственных активностях в министерстве отчёт о производстве занимал 20 минут, а 40 минут уделялось «социалке». Наряду с развитием производственных мощностей развивалась и социальная сфера. У нас были здравницы на Кавказе, в Крыму, на Алтае, Исык-Куле. Директор завода не мог

подчинённому сказать: «Я тебя уволю». А сегодня эта угроза стала нормой. С каждым увольняющимся я встречался, чтобы узнать причину. Кстати, одна из таких бесед стала поводом для появления в Нижней Туре девятиэтажек. Выясняю у молодого парня: почему он решил уволиться. В городе есть всё, что душа пожелает: на 35 тысяч населения — четыре дома культуры, мест в детских садах больше, чем новорожденных, обеспечение жильём — в короткий срок. А он в ответ: «Высоток нет, я в большом городе хоть на лифте покатаюсь».

Ради людей мы даже на нарушение финансовой дисциплины шли, например, построили ФОК, реконструировали детские учреждения за счёт средств капитального ремонта. Признаюсь, я ещё тот хулиган из прошлого.

Даже в 90-е годы мы ставили перед собой задачу: сохранить коллектив и сделать в сложной экономической обстановке всё возможное для людей. Нас такими воспитала партия и власть Советов. В то же время нашли активисты, которые ходили с плакатами по заводу и требовали приватизации. «Приватизируемся и будем получать дивиденды», — утверждали они. Но ведь дивиденды формируются из прибыли, а она может быть только у успешно работающего предприятия. До 1994 года НТМЗ как структурное подразделение Средмаша приватизации не подлежал.

Жизнь показала, что приватизация в определённой мере стала одной из форм разграбления. Но в предыдущие годы в стране был создан такой промышленный потенциал, который до конца развить не могут.

— Евгений Александрович, о чём мечтал Женя Карпов?

— Мы — дети войны мечтали досыта поесть. Юность у меня была спортивная. Вспоминаю, как мы с ребятами пришли в театр и, глядя на большой зал, с сожалением заключили: «Вот бы нам такой — в волейбол играть!»

— Евгений Александрович, скажите, Вам, Почётному гражданину Нижней Туры, ветерану атомной энергетики и промышленности, Лауреату государственной премии СССР, отличнику просвещения, кавалеру орденов В.И. Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, награждённому четырьмя медалями СССР и РФ, какая из наград ближе, какая греет сердце?

— На торжественном мероприятии, посвящённом 50-летию НТМЗ, мне вручили нагрудный знак «Ефим Павлович Славский». Когда объявили моё имя, то все присутствующие в зале Дворца культуры, не сговариваясь, встали и начали аплодировать. Получить признание людей — главная из наград. Но этот знак дорог мне ещё и потому, что он назван в честь бывшего министра Средмаша Ефима Павловича Славского, стоявшего у истоков атомной промышленности, энергетики. Ефим Павлович был не только специалистом, обладающим обширными знаниями, он заботился о человеке труда. Социальной сфере тогда уделялось колоссальное внимание. Для меня Е.П. Славский — яркий пример служения людям. Когда случилась авария на Чернобыльской атомной станции, ответственность за произошедшую трагедию в Украине сложили на него и сняли с поста министра, хотя Славский, как министр, к строительству и эксплуатации Чернобыльской АЭС прямого отношения не имел. Этим занимался Комитет по мирному использованию атомной энергии и Министерство энергетики УК ССР. В 2006 году Росатом учредил знак имени Е.П. Славского за вклад в развитие атомной энергетики и промышленности.

— Евгений Александрович, спасибо Вам за интервью.

ВЕЛА ИНТЕРВЬЮ ВЕРА КУЗЕВАНОВА
Фото автора

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Евгений Александрович Карпов. Родился в 1931 году в семье рабочего в Москве. В 1950 году окончил Московский индустриально-конструкторский техникум по специальности «Техник-технолог по холодной обработке металла». В 1968 году заочно получил высшее образование по специальности «Экономист по труду». С 1959 по 1994 год — директор Нижнетуринского машиностроительного завода (ОАО «Вента»). 51 год проработал в структуре атомной отрасли. Воспитал сына и дочь.

ния вновь откладывается. НТМЗ построил школу №5 (гимназия), невзирая на то, что самому заводу ещё нужно было строить производственные площади, дороги, жильё. Почему советским машиностроителям ничто не мешало сделать щедрый подарок городу?

— Когда в 1957 году в Нижнюю Туру приехал представитель министерства для согласования вопроса об организации на площадках РМЗ завода союзного подчи-

заняты 2700 человек. Заказами мы были обеспечены на два года вперёд. Последнее десятилетие завод держался на старых наработках. Больно за людей, оказавшихся в трудной ситуации. Обидно за труд, который был вложен и оказался напрасным. В атомной отрасли тоже проблематичная ситуация складывается, по всей видимости, решено пожертвовать малым, чтобы не потерять большее. «Вента» могла уйти с молотка ещё в 1996 году, но тогда Э.Э. Россель не допустил этого.